

Увидев на лице Чжэн Си выражение измены, Лин Цинъюй сурово сказал: "Мы хорошие друзья. Разве есть проблема в том, чтобы ходить на могилы родителей хороших друзей?".

"Хорошие друзья?" Чжэн Си посмотрела на потемневшее лицо Ян Чжао, почувствовала себя счастливой и сказала: "Цзиньпу - это как бесприбыльный бизнес. Suzhou Wealthy заработала много денег в конце года и продала его. Товаров всегда больше, чем на 200 000 таэлей. Если убрать закупки в ткацкой мастерской и расходы на магазин, то чистая прибыль составит 200 000 таэлей. Кстати, есть кое-что, что ты должен быть рад услышать".

"А? Что за приятная новость?" поспешно спросил Линь Цинъюй, желая, чтобы он перестал спрашивать.

"О семье Лин, Лин Гоцянь, третий мастер семьи Лин, влюбился в ойран из Янчжоу в следующем году. Потратив немного денег, он снова влюбился в азартные игры, проиграл много денег, а позже украл поле семьи. Я заключил с ним договор и обменял деньги. Я пошел искать Чэнь Саня из игорного дома и купил их все по низкой цене. Там всегда больше 10 000 му земли. Блудный сын достоин пятнадцати и двадцати двух серебряных и акра хорошей земли Я слышал, что Линь Цзячэна рвало кровью, когда он узнал об этом, он все еще лежал на кровати. "Сколько мы соберем?" Лин Цинъюй выпил и посмотрел на Янь Саня. Красный особняк действительно надежен. Просто она помнит, что это была комиссия, данная прошлым летом, как она может сделать это после года?

"Чэнь Сантай был мрачен и заставил нас взять восемь двух акров". Чжэн Си вздохнула. Это мое собственное поле, и я должна тратить деньги, чтобы выкупить его, что очень скучно".

"Нам не нужны эти деньги. Мне нужно то, с чем они пришли по незнанию. Я должен вырвать это. Я помню, что они проглотили у нас тысячи гектаров". Линь Цинъюй усмехнулся.

"Теперь он внимательно смотрит. Линь Гоцянь все еще должен Чэнь Сану десятки тысяч серебра.

Тогда Линь Цзячэнь сообщит тебе, что если ты убьешь тебя, то денег не отдашь". Чжэн Си сказал.

"А как насчет Янчжоу Ойран?" с улыбкой спросил Линь Цинъюй.

"Я слышал, что когда Линь Гоцянь был избит до смерти Чэнь Санем, этот ойран, чтобы спасти его, снял свой частный дом, поэтому Линь Гоцянь жестоко выкрал Тянь Ци, но теперь этот ойран не знает, куда ему идти. Когда он был там, Линь Гоцянь пошел в уездное управление и передал бумагу, в которой говорилось, что это Чэнь Санган и ойран обманули его и выбили из дома." Чжэн Си рассмеялся. Как может человек, который может открыть игорный магазин, не иметь никакого прошлого? Теперь, когда семья Ву переехала в столицу, кто будет обижать людей ради семьи Лин?

"Дайте Чэню три очка и попросите его обратить внимание на сбор долгов". Подумав об этом, Линь Цинъюй снова спросил: "Нет никаких новостей от Линь Цзысюя?"

"Я как раз собирался рассказать тебе об этом. Девушка из семьи Линь изначально была обручена с сыном семьи Муронг в Сучжоу, но у сына слабое здоровье. Семья Линь тянула и отказывалась выходить замуж. Я слышал, что Линь Цзысюй последовал за ним несколько дней назад. Актер сбежал". сказал Чжэн Си.

Я сбежал. Линь Цзысюй действительно так поступил. Глаза Лин Цинъюй слегка сузились, в

них появилась холодность. Даже если она доверила Красным Особнякам соблазнить Линь Цзысюя, но актер, если Линь Цзысюй ведет себя правильно или имеет такие следы Правил, как я могу сбежать с актером.

"Однако, этот вопрос был распространен в частном порядке. Особняк Линь не говорил, семья Муронг тоже ничего не говорила, так что я не знаю, правда это или ложь". Чжэн Си посмотрела на выражение лица Линь Цинъюй и сказала. Как бы Линь Цзысюй ни обращался с девушкой, девушку это не слишком волнует, но девушка не будет ненавидеть девушку, когда Линь Цзысюй убьет свою жену.

"В этом мире будет возмездие, я не беспокоюсь, может ли оно закончиться так счастливо?"

"Линь Цинъюй опустил ресницы и, скрывая жестокий цвет глаз, легкомысленно произнес.

В это время она почувствовала холодный воздух на своем теле, и густая ненависть распространилась. Линь Цинъюй и Чжэн Си были знакомы с этим взглядом, но другие никогда не видели его раньше. Янь Чжао почувствовал боль в сердце и протянул руку, чтобы пожать ей руку.

Чжэн Си была на шаг впереди и улыбнулась ей: "Да, как это можно так легко закончить? Трапеза уже закончена, пойдете есть". Затем она потащила ее в главный зал.

Вытянутая рука медленно сжалась в кулак, Ян Чжао глубоко вдохнул, а затем медленно выдохнул.

Казалось, комната сразу замерла, никто не говорил и не двигался. Эта женщина всегда улыбалась, казалось, что в мире нет ничего такого, чего бы она не знала, чего бы она не могла сделать.

Со звуком "лязг" Хэ Ли вынул длинный меч из ножен.

"Пусть она сделает это сама". Янь Сань прислонилась к двери, поставив треножник на дверную раму, склонила голову и сказала: "Она может чувствовать себя спокойно, только если отомстит сама".

Через несколько секунд длинный меч Хэ Ли вернулся в ножны, но он яростно ударил кулаком по стене.

"Ого! Тушенная свинина! Я люблю тебя, Гринслив, ты действительно хороший выбор для жены! Почему бы не жениться на мне!" Из главного зала донесся веселый голос Линь Цинъюя, а затем он крикнул: "Ян Чжаоянь три, Эй, если я больше не приду, я могу поесть один!"

Янь Сань опустил ноги и пошел в сторону главного зала.

Так же, как она никогда не вмешивалась в их решения, она никогда не думала о том, на кого ей положиться в своих делах. Янь Чжао встал, взял инициативу в свои руки и пошел в сторону главного зала со слабой улыбкой на тяжелом лице.

Она кокетничала со старой служанкой, ела тофу, приготовленный маленькой служанкой, и перекусывала с Чжэн Си. По сравнению с Ханчжоу, это ее настоящий дом и место для отдыха.

После еды Линь Цинъюй сидела на каменном столе перед залом и смотрела на бумажных людей и лошадей во дворе.

Подумав немного, он сказал Чжэн Си: "Чжэн Си, сегодня вечером мы пойдем на могилу к моим родителям".

"А? Пойти сегодня вечером?" Чжэн Си был ошеломлен. Обычно он ходил на могилу 15 июля, так почему же он пошел раньше.

"Мы очень подвижные и тихие. Если завтра нас увидит семья Линь, могут возникнуть проблемы". Линь Цинъюй встала и сказала. Она не боится неприятностей. Проблема в том, что хоть Ян Чжао и сказал, что у них пять дней отпуска, но наблюдая за их действиями, очевидно, что их призывают уехать. Возможно, есть ограничения на дату возвращения. Как только возникнут какие-либо проблемы, Ян Чжао не позволит себе находиться здесь. Признайте, если он не уедет, то если он пропустит дату возвращения, то это будет десять жизней.

"Разве не говорят, что с первого по пятнадцатое число июля предки принимают жертву? Мои родители очень любят меня, и я должен надеяться, что увижу их, когда вернусь". Видя, что у Чжэн Си все еще хорошее лицо, Линь Цинъюй улыбнулся.

Дядя Чжэн сел за руль повозки, а Ян Чжао разделился на группу из трех человек и сел на холмы на краю озера Тайху.

На подветренной стороне я сжег палочки с джоссом и сжег бумажных людей и лошадей.

Линь Цинъюй глубоко присел на корточки с тремя головами и в сердцах тихо сказал: "Не волнуйся, мама, если ты дашь своей дочери еще немного времени, я сделаю так, что этим людям придется умереть".

Ян Чжао встал на колени рядом с ней, поклонился тремя головами и тихо сказал в своем сердце: "Дядя и тетя, Чжаодин сделает все возможное, чтобы защитить ее. Когда большое событие будет определено, он официально подойдет к двери, чтобы попросить о браке, и он будет жить в соответствии с ней. "

Дул слабый ночной ветерок, а матушка Чжэн стояла перед могилой и жгла бумагу, бормоча при этом низким голосом. Тонкий голос в сочетании с бумажной пылью в небе напоминал июньскую вьюгу.

Глядя на полузакрытые огни далекой виллы, Линь Цинъюй указал на красивое живописное место и сказал подошедшему к нему Ян Чжао: "Вот, это резиденция, которую мой отец подарил моей матери. Разве это не прекрасно?"

Ян Чжао взял ее за руку. Несмотря на то, что двор был далеко, его красивый пейзаж все еще был слабо различим. Можно представить, сколько усилий было потрачено в первую очередь. Она выросла там. Она должна была стать дамой с десятью пальцами и без солнца, но теперь у нее полно мозолей, и она может поставить парус, отправиться в море и обо всем позаботиться сама.

"Чжао", - увидев душевную боль в глазах Ян Чжао, Линь Цинъюй опешил, а затем улыбнулся: "На самом деле я предпочитаю свободную жизнь на корабле. Я самый несдержанный человек. Я хочу оставаться каждый день. На заднем дворе это скорее неудобно, чем убивает меня. Я не помню богатства в том дворе. Если говорить о богатстве, то мое богатство более чем в десять раз превышает богатство моего отца. Мое сердце болит только о матери, а отец - о своих первоначальных намерениях. Поэтому, пожалуйста, прости меня, Ян Чжао, хотя ты мне нравишься, я никогда не откажусь от своего образа жизни".

Ян Чжао не сказал ни слова, просто сжал ее руку.

Когда они вернулись в маленький дворик, было уже почти полночь. Члены семьи Чжэн вернулись в свой маленький дворик. Видя, что остальные нашли комнату в переднем дворе, чтобы жить друг у друга, Лин Цинъюй вернулся в задний двор.

Этот маленький двор изначально был вторым входом. В переднем дворе было семь комнат, которые раньше занимала семья Чжэн, но теперь они жили отдельно от них. Главную комнату на заднем дворе первоначально занимала мать Лин Цинъюй. После смерти матери эти три комнаты Фан Лин Цинъюй тоже не переезжала, только мать Чжэн регулярно убиралась в них.

Сидя в главной комнате, прошло более двух лет, улыбки молодых матерей в этом мире, кажется, не сходят с лица земли.

Посмотрев на луну Чжунтянь, Линь Цинъюй осторожно закрыл дверь главной комнаты и вернулся в комнату восточного крыла, где он жил. В восточном крыле также было три комнаты. Ту, что слева, Линь Цинъюй переделал в ванную комнату. В это время большая деревянная бочка в комнате была полна. Выпив теплой воды, проверив ее температуру, Линь Цинъюй разделся и набрал ванну.

"Ян Чжао." Ян Чжаоган уже собирался толкнуть дверь восточного крыла, когда сзади позвал Янь Сань, он повернул голову и посмотрел на него.

"Иди сюда." Янь Сань указал на каменный стол в маленьком дворике, и сам сел за стол.

"В чем дело?" Янь Чжао был ошеломлен, затем подошел и сел напротив него.

"Это будет быстро". Посмотрев на небо, Янь Сань потер брови и сказал: "Я должен тебе кое-что сказать".

"Скажи что-нибудь быстро".

"Когда она была на том острове, она убила тысячелетнюю змею?" Увидев, что Ян Чжао кивнул, Янь Сань продолжил: "В то время она также съела пилюлю змеи, поэтому в нее не попадет яд. Змеи на острове не посмеют ее тронуть".

"Мы все это знаем". нетерпеливо сказал Ян Чжао.

"Тогда знаете ли вы, что змеиная пилюля - это не то, что можно съесть случайно? Тысячелетняя змея вот-вот превратится в дракона. Его змеиная пилюля - превосходная вещь, но она также очень иньская. Позвольте мне сказать вам следующее. Если змеиная пилюля - это женщина Съешь ее", - Янь Сань упрямил язык и сказал: "Женщины - это Инь, а змеиные пилюли - очень иньские вещи. Если их нечем кормить, в ночь на 14 июля, самое темное время года, ты можешь убить ее".

Лицо Ян Чжао побледнело, затем он посмотрел на небо, встал, открыл дверь и бросился внутрь.

Лин Цинъюй заснула, прижавшись к краю бочки, но на поверхности воды, от которой должен был идти пар, появился тонкий слой льда.

"Что ты хочешь покормить?"

" Вытащив Лин Цинъю, тело в его руках было холодным, Ян Чжао крикнул Янь Сану.

"Ян Цзин." Янь Сань указал на свою нижнюю часть тела и сказал: "Я хочу, чтобы меня накормили".

"Выходи". Ян Чжао положил Лин Цинъю на кровать в спальне, сорвал с него одежду и прошептал.

Янь Сань закрыла дверь, села на каменный стол, достала украденный из кухни котелок с супом, налила миску и медленно выпила.

Ее тело должно было быть теплым и влажным, из-за чего люди не могли от него отстраниться, но в данный момент оно было холодным и сухим, и Янь Чжао было так холодно, что она этого не осознавала.

"Все хорошо, все хорошо." Янь Чжао наклонилась и поцеловала губы, покрытые инеем.

Почувствовав тепло, тело Линь Цинъю медленно растягивалось и сжималось, словно маленький рот всасывал все сильнее и сильнее. Это ощущение было слишком возбуждающим, и Ян Чжао издал низкий рев.

Видя, как иней медленно исчезает с ее лица, Ян Чжао ускорился. В отличие от прошлого, он ясно чувствовал, что поглощение в ее теле высасывает не только сущность ян, но и его физическую жизненную силу. Вошел.

Это и есть цена? Ты отчаянно спасала нас, а потом сделала себя такой? Янь Чжао, которого снова отпустили, слабо упал на Линь Цинъю. Видя, что ее лицо все еще синее, а губы тоже бледно-белые, она поцеловала ее губы и яростно втянула, выкручивая и высасывая, пытаясь принять температуру ее тела. Это передалось ей.

Шум в комнате прекратился, Янь Сань встал и открыл дверь.

Янь Чжао взглянул на него и увидел, что он начал раздевать Ширан, закрыл глаза и сказал: "Выпусти меня первым".

"Ты еще в состоянии двигаться?" Янь Сань держал свои руки, его взгляд метнулся к миниатюрному Ян Чжао, который больше не мог напрягать свои силы.

Янь Чжао стиснул зубы и сел на кровати. Он посмотрел на все еще синее тело Лин Цинъю, держась за край кровати, чтобы встать с нее, его ноги разжались, и слабое тело упало под ножку кровати.

Не дожидаясь удара раздраженного кулака Ян Чжао, Янь Сань прямо постучала по его слабой акупунктуре, прошептала беду, положила его на изножье кровати и села, затем легла в постель.

Сделав несколько вдохов и оставив тело, Янь Сань встал, поддерживая слабое тело, подошел к деревянной раме, намочил платок в воде, обмыл нижнюю часть тела Линь Цинъю, а затем бросил Ян Чжао на кровать и облегченно вздохнул. Он подобрал свою одежду и вышел вместе со стеной.

Дверь за ним закрылась, а Янь Сань медленно сполз по стене и сел на землю.

Лунный свет померк, и интерьер окрасился слоем яркости из-за окна.

<http://tl.rulate.ru/book/15727/2519799>